

В сущности, у Вирта от рассказа Платона осталось только понятие о затонувшей земле, плюс её название. Всё остальное — от себя, включая культуру трегерскую роль атлантов. Как раз этого мотива у Платона нет: Атлантида у него — не прародина мировой цивилизации, а *другая* цивилизация, впрочем, не слишком отличающаяся от знакомой. Многие места платоновского мифа прямо указывают на Персию, вплоть до столицы, напоминающей Экбатаны в описании Геродота (Панченко 1990: 148—151). Уже это показывает, как далеки многие современные атлантологи от реальной истории. Но дело даже не в этом. Выбросив на помойку научную историю ради мифов, Г. Вирт вынужден проделать ту же операцию и с самими мифами. Он лучше Платона знает, что такое Атлантида! Между тем, если бы у него были хоть какие-то научные навыки, он должен был бы объяснить, *почему* он считает свою гипотетическую сушу именно Атлантидой и *на каких основаниях* он отказывается от некоторых элементов мифа Платона — причём насчёт каждого отвергнутого элемента в отдельности. Без этого всё его построение ничем не отличается от обычного горячего бреда. Упоминание «о гибели их [атлантонордов] столицы — Атланда» (Кондратьев 2007: гл.1) также ничего не доказывает. Мало того, что к случайным созвучиям нужно относиться с особым недоверием и тщательно проверять их причину (это — закон для всех серьёзных филологов), но ведь и сам Г. Вирт признавал «Хронику Ура Линда» многослойным документом, последняя редакция которого относится уже к XIX веку. А значит, слово «Атланд» могло быть вписано кем угодно, в том числе и тогда, когда мифы об Атлантиде вновь вошли в моду, — то есть в любое время после «*Новой Атлантиды*» Ф. Бэкона (1627).

Этот печальный случай показывает: если отвергнуть научные факты ради веры в достоверность мифа, то достоверность мифа уходит следом — по инерции, в силу той же логики. Точно так же, как говорят, А. Т. Фоменко, начав с пересмотра мировой истории в угоду своим астрономическим концепциям, в конце концов был вынужден пересматривать и астрономию — на сей раз в угоду своей «новой» истории.

IV.1.5. В. Н. Дёмин

Нет нужды перечислять все фактологические ошибки В. Н. Дёмина. Их достаточно много — гораздо больше, чем у Л. Н. Гумилёва, который ведь, как-никак, был профессиональным историком. Дёмин же — профессиональный философ, история для него — в лучшем случае смежная область. Сидон у него оказался в Малой Азии (Дёмин 1997: 162), Хара-Хото опять принят за столицу тангутов (: 281), остяки — не ханты, а кеты (: 193), Лукоморье — реальная древняя страна, где люди способны впадать в спячку (: 144—145), и т. д.

Опять буквально принимаются на веру сведения Тайттирия-брахманы и Авесты (а точнее, их пересказ Б. Тилаком) о «Прародине человечества, где Солнце всходит и заходит по одному разу в год, а сам год делится на один долгий день и одну долгую ночь, — что, как известно, соответствует ситуации, фиксируемой в высоких полярных широтах» (: 57). Ещё раз: или там были полярные ночи длиной в полгода — или условия для жизни. Кроме того, он полагает: «Данная концепция вполне совпадает с современными историческими, этнографическими и геологическими предположениями о существовании в далёком прошлом в обширных районах преимущественно Российского Севера огромной приполярной территории Арктиды, изменившей свой

природно-климатический облик и в основном исчезнувшей с лица Земли в результате катаклизмов, включая похолодание и оледенение. Земли эти были заселены протоиндоевропейцами, которые вошли в историю под названием *гиперборейцев*» (Дёмин 1997: 57—58). Геологическая Арктида, если она существовала, ограничивалась современным шельфом северной Сибири, к тому же данных о её заселённости людьми нет.⁷⁶

И так далее — примеры можно найти почти на каждой странице, где хоть что-либо утверждается. Впечатление такое, будто В. Н. Дёмин вообще не видел различия между фактами и фантазиями. Критика источников, откуда черпаются факты, была ему неведома.

IV.1.6. О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Н. С. Трубецкой

От всех перечисленных авторов достаточно резко отличаются их более серьёзные собратья. Собственно, серьёзность в науке как раз и определяется не по содержанию, а по методам.

Как у Шпенглера, так и у Тойнби отмечено много мелких неточностей (Тойнби 1991: 10, предисловие В. И. Уколовой). Однако мест, говорящих о преднамеренном искажении фактов в угоду своей концепции, у них обнаружить не удаётся. Имеющиеся ошибки не выходят за рамки максимы Козьмы Пруткова: «никто не обнимет необъятного». Разумеется, Тойнби плохо знал историю Шумера или доколумбовой Америки, но это именно незнание, а не подлог. Единственное, в чём его можно в связи с этим упрекнуть, — во вторжение в сферу, которой он владел недостаточно. Что же касается Шпенглера, то его методологические погрешности — другого плана.

Будучи действительно выдающимся учёным (хотя не историком, а филологом), Н. С. Трубецкой также избежал многих примитивных нарушений научной процедуры. Так, у него нет вымышленных фактов, хотя есть фактические ошибки. Впрочем, фактов он вообще приводит мало, обычно рассуждает чрезвычайно отвлечённо. Нет у него и «художественных» определений (см. IV.5), которые говорили бы либо о неумении работать с понятиями, либо о введении читателя в заблуждение. В этом грешен кто угодно, только не кн. Трубецкой.

Но при этом существенно отметить, что Г. В. Вернадский, хотя и разделяет философию евразийства, но не сводит свою историческую концепцию к евразийским идеям. Его *«Киевская Русь»* включает обширные и обстоятельные главы об экономике, социальной системе, политической структуре, культуре и быте. Особые параграфы посвящает он охоте, бортничеству и рыболовству (Вернадский 2004 {1948}: 116—119), деньгам и кредиту (:134—136), национальному доходу (:140—142), отдельным классам и группам, вплоть до степных пограничников (:173—174). И если объём некоторых из этих разделов и невелик, то это объясняется скудостью источников, а не недостатком внимания. Другие же евразийцы — не только кн. Трубецкой (как-никак специалист совсем в другой области), но и д. и. н. Л. Н. Гумилёв — проходят мимо таких «мелочей», обозревая историю только с высоты «птичьего полёта». И если Гумилёв и упоминает о ростовщиках, например, то не ради анали-

⁷⁶ Лишь с 1989 г. исследуется Жоховская стоянка в самой северной части Новосибирских островов. Однако её возраст по радиоуглероду — не более 8 тыс. лет назад, а уровень — верхний палеолит или мезолит (подробнее см.: Питулько и др. 2012). Ни то, ни другое не подходит искателям Гипербореи.